

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW AND DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: PROBLEM STATEMENT

V. Porayko

Summary. The article highlights and characterizes the problems of differentiation of criminal responsibility for crimes in the sphere of entrepreneurial activity, in the resolution of which the principles of criminal law play a significant role. Among them are the problems associated with the use by the legislator of the blank method of presentation of criminal law norms and administrative prejudice, as well as the problems of differentiation of criminal responsibility on qualifying and especially qualifying grounds.

Keywords: differentiation of criminal responsibility, crimes in the sphere of entrepreneurial activity, principles of criminal law, formality, administrative prejudice, complicity.

Порайко Василий Вячеславович

Соискатель, Уральский государственный
юридический университет
porayko@mail.ru

Аннотация. В научной статье выделены и охарактеризованы проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности, при разрешении которых значимую роль играют принципы уголовного права. В их числе проблемы, связанные с использованием законодателем бланкетного способа изложения уголовно-правовых норм и административной преюдиции, а также проблемы дифференциации уголовной ответственности по квалифицирующим и особо квалифицирующим признакам.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, преступления в сфере предпринимательской деятельности, принципы уголовного права, бланкетность, административная преюдиция, соучастие.

При решении вопросов дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности, особую роль играют принципы уголовного права. Вызвано это такими обстоятельствами как бланкетность значительного числа «предпринимательских» статей уголовного закона, а также широкое использование законодателем в Главе 22 УК РФ конструкции административной юрисдикции, что не может не вызывать сомнений с позиции соответствия принципу законности. Также велика роль принципов уголовного права при дифференциации уголовной ответственности в зависимости от групповых форм совершения преступления.

На бланкетность статей о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности указывают многие авторы. Так, в частности, с точки зрения Т.В. Пинкевич, «рассматривая преступления в сфере экономической деятельности, следует учитывать, что большая часть уголовно-правовых норм отнесенных к данному виду, бланкетные, т.е. такие диспозиция которых непосредственно не определяет признаки преступного деяния, а отсылает к нормативным актам другой отрасли права» [1]. Доста-

точно категоричен на этот счет и А.С. Грибов, по мнению которого «все нормы гл. 22 УК носят бланкетный характер, для их уяснения нужно обращаться к гражданскому, налоговому, валютному законодательству и другим нормативным актам, регулирующим экономическую деятельность, в которых даются понятия, используемые в нормах гл. 22 УК» [2].

Использование бланкетного приема юридической техники представляется не только допустимым, но и предпочтительным при конструировании норм уголовного закона. Это способствует целостности системы средств правовой охраны сферы предпринимательской деятельности и значительным образом облегчает работу правоприменителя. Явно более целесообразно использовать в едином значении термины, характеризующие рассматриваемые общественные отношения, нежели создавать отдельные их дефиниции в рамках каждой отрасли права. Либо же, тем более, механически воспроизводить в тексте уголовного закона формулировки, подчас весьма объемные, которые закреплены в иноотраслевом законодательстве. Негативным примером в этой связи может служить статья 185.5 УК РФ,

устанавливающая уголовную ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. Законодатель счел необходимым и допустимым максимально подробно и детализировано перечислить все возможные способы совершения этого преступления. Аналогичным образом в ч. 1 ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком» воспроизведен текст, уже содержащийся в Федеральном законе РФ от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

Напротив, выгодным образом отличается весьма лаконичная диспозиция ст. 185.1 УК РФ о злостном уклонении от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, где содержится отсылка к соответствующему иноотраслевому законодательству, а именно к Федеральному закону РФ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [4].

При использовании бланкетного приема законодательной техники необходимо четко придерживаться закрепленного в ч. 1 ст. 3 УК РФ принципа законности, который сформулирован следующим образом: «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом».

Безусловно, как разъяснил Конституционный Суд РФ в Определении от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 УК РФ и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5], «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона». Однако, бланкетный криминообразующий признак преступления не может изменяться подзаконным правовым актом.

Прав Б. В. Яценко, пишущий, что «с точки зрения принципа законности при конструировании бланкетных уголовно-правовых норм федеральный законодатель должен ограничивать пределы уголовной противоправности лишь федеральными законами, оставляя за рамками уголовно-правового пространства нормативные правовые акты более низкого уровня правового регулирования» [6]. При этом, приходится констатировать, что

«конструирование бланкетных составляющих уголовного закона вопреки требованиям принципа законности стало возможным в результате внедрения и поддержания федеральным законодателем практики делегированного нормотворчества, которая осуществляется в открытой или скрытой (завуалированной) форме» [6].

Зачастую, вносимые в нормы Главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» изменения и дополнения носят противоречивый и разнонаправленный характер, как с точки зрения подходов к криминализации и декриминализации деяний, так и с точки зрения правил юридической техники. Как верно пишет М. И. Гешелин, «процесс дробления норм в гл. 22 не всегда оправдан, необоснованное «распыление» законодательного материала по другим нормам, его излишняя конкретизация и значительное увеличение объема — это и есть скрытая казуистификация» [7]. Так, к примеру, помимо общей статьи 199 УК РФ об уклонении от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией — плательщиком страховых взносов, уголовный закон дополнен статьями о более частных случаях налоговых преступлений, а именно статьями 199.1 УК РФ, 199.2 УК РФ, 199.3 УК РФ, 199.4 УК РФ.

Ещё одно распространенное правовое явление — это активное использование законодателем в статьях Главы 22 УК РФ конструкции административной преюдиции. Её достоинства усматриваются в простоте и удобстве для восприятия правоприменителем, посредством чего, в частности, решаются задачи предупреждения совершения преступлений. Действительно, пишут А. Б. Коновалова и И. Н. Мосечкин, «институт административной преюдиции в целом может стать эффективным инструментом, и его реализация возможна, однако необходимо обоснованное его применение, и лишь в тех составах, которые явно того требуют. Если же норма является работающей, не вызывает сложностей в применении, то нет нужды в ее осложнении дополнительными институтами — это, напротив, может снизить ее результативность» [8].

Однако, нередко, как отмечает Б. В. Яценко, «в преступлениях, содержащих в своей структуре указание на административную преюдицию, последняя является по существу единственным криминообразующим признаком, отграничивающим уголовно-наказуемое деяние от одноименного административного правонарушения» [9]. Построенные подобным образом нормы уголовного закона ставятся в зависимое положение от взаимосвязанных с ними административно-правовых норм. Кроме того, подрывается общепринятая в отечественной науке уголовного права теория преступления, а привлекаемые к ответственности лица подвергаются опасности объективного вменения [10]. Тем самым, нарушаются та-

кие принципы уголовного права, как принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, а также принцип справедливости.

Возможным решением проблемы, как представляется, мог бы стать перевод построенных с использованием административной преюдиции «предпринимательских» статей уголовного закона из числа преступлений в число уголовных проступков. Разумеется, если широко обсуждаемая сегодня в научной среде идея дифференциации уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки будет реализована законодателем. Также важно, чтобы признаки деяния, содержащиеся во взаимосвязанных административно-правовых и уголовно-правовых нормах, были описаны законодателем единообразно и четко, что не допускало бы различных трактовок на практике.

Нелогичным и нарушающим принцип равенства выглядит подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности в рамках «предпринимательских» статей по квалифицирующим и особо квалифицирующим признакам. Так, в частности, законодатель допускает возможность совершения организованной группой преступлений, ответственность за которые предусмо-

трена п. «а» ч. 2 ст. 171 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 172 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ, ч. 2 ст. 181 УК РФ, ч. 2 ст. 184 УК РФ, ч. 2 ст. 185.3 УК РФ, ч. 3 ст. 186 УК РФ и ч. 2 ст. 187 УК РФ.

При этом, целый ряд преступлений в соучастии могут быть совершены лишь группой лиц по предварительному сговору (п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ, ч. 2 ст. 200.3 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 200.4 УК РФ, п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 5 ст. 200.5 УК РФ).

А, к примеру, такое преступление как контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов может быть совместно совершено лишь группой лиц (п. «б» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ).

Нарушение принципа равенства граждан перед законом прослеживается в том, что при дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности законодатель далеко не полным образом учитывает все многообразие вариантов группового способа совершения преступления. Более того, закрепляет соответствующие признаки в статьях Главы 22 УК РФ непоследовательно и чрезвычайно непродуманно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пинкевич Т. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. 207 с.
2. Грибов А. С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США: сравнительно-правовое исследование: ... дисс. к. ю. н. Ярославль, 2011. 225 с.
3. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4193. Ч. 1 ст. 5.
4. Федеральный закон РФ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4193.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.
6. Яценко Б. В. Проблемы соблюдения принципа законности в контексте совершенствования уголовного законодательства России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 128–132.
7. Гешелин М. И. Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по уголовному законодательству России и Англии (сравнительно-правовое исследование). ... дисс. к. ю. н. Ярославль, 2015. 212 с.
8. Коновалова А. Б., Мосечкин И. Н. О применении института административной преюдиции в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 6. С. 50–56.
9. Яценко Б. В. Социально-правовая природа преступления с административной преюдицией // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 2. С. 79–84.
10. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3(23). С. 64–71.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

© Порайко Василий Вячеславович (porayko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»